

В. С. Попова

**КУЛЬТУРНЫЕ
ОСНОВАНИЯ СТИЛЯ
ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ
ТВОРЧЕСТВА
Н. О. ЛОССКОГО
В СРАВНЕНИИ
С АНТРОПОЛОГИЕЙ
И. КАНТА)¹**

Понятия *стиля* и *топа* в их культуроведческой трактовке (Ю. В. Рождественского) применены к рассмотрению некоторых фрагментов философской концепции Н. О. Лосского, рефлексирующего на тему русских культурных особенностей в целом и самобытности русской философии в частности. Развертывание этой темы снабжено компаративистскими отступлениями в область антропологических аспектов философии И. Канта.

The concepts of style and topos in their cultural studies interpretation by Yu. V. Rozhdestvensky are applied to the analysis of some fragments of N. O. Lossky's philosophical concept pertaining to the features of Russian culture in general and the originality of Russian philosophy in particular. The topic is developed through comparative digressions into the field of anthropological aspects of I. Kant's philosophy.

Ключевые слова: стиль, стиль философствования, топ (общее место), Ю. В. Рождественский, Н. О. Лосский, антропология И. Канта, самобытные черты русской культуры и философии, характер народа.

Key words: style, philosophising style, topos (commonplace), Yu. V. Rizhdesrvensky, N. O. Lossky, I. Kant's anthropology, original features of Russian culture and philosophy, national character.

Философское творчество предстает одним из проявлений национальной культуры. Философская картина мира в авторских вариациях может быть рассмотрена как составляющая картины мира в той или иной культуре. В этом смысле любопытна культурная рефлексия философии, исследование которой возможно при обращении к конкретным авторским концепциям. Культурная обусловленность своеобразия философской системы и философствования как такового проявляется ярче при компаративистском взгляде: «Сравнение текстов, принадлежащих национальной философской культуре, с текстами другой культуры представляет собой самопознание

---

¹ Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-03-00382а «Философия культуры в русском зарубежье: подходы, модели, антиномии».

народа, причем в предельных основаниях этой культуры» [1, с. 7]. Кроме этого, на наш взгляд, есть еще один фактор, влияющий на более отчетливое видение культурных особенностей философствования. В случае, если мыслитель рассуждает о своеобразии национальной философии, явно подводя под нее культурные основания, представляет интерес соотношение стереотипных установок и собственного стиля философствования автора такого учения. В связи с этим концепция Н. О. Лосского привлекает внимание по следующим причинам: философ дал значительные разъяснения русского национального своеобразия в различных проявлениях, вычленив его культурные основания («Характер русского народа»); предьявил оригинальную системную философскую концепцию; с самых первых шагов самостоятельного философствования демонстрировал глубокий взгляд историка философии, принявшего во внимание обширный спектр европейских философских течений и нашедшего место собственной идеал-реалистической теории среди них. Поэтому концепция Н. О. Лосского видится подходящей в качестве материала для рассмотрения вопроса о культурных особенностях стиля философствования и одновременно представляет собой один из самобытных вариантов ответа на него. И поскольку именно сравнительное изучение делает своеобразие мнений, позиций, философских систем, стилей рассуждений, их культурных оснований более зримыми, обратимся в этом контексте к некоторым фрагментам философии И. Канта. Здесь мы не исходим из логики противопоставления (например, «русский — немец», «интуитивизм — критицизм» и т.п.). В контексте рассмотрения стиля философствования и определяющих его моментов следует выделить этическую составляющую (об этом будет сказано далее). А «этические проблемы стоят в центре системы Канта, которым здесь подчинено все, но эти же проблемы есть движущий нерв русской мысли» [3, с. 23]. Кроме этого Кантова «Антропология...» также содержит рефлексию о национальных особенностях (раздел «Характер народа» второй части книги), которая может быть отнесена и к его собственным философским выкладкам.

В настоящем рассуждении используется понятие «стиль философствования», смысл которого необходимо разъяснить. Связывать ли понятие стиля с содержательной стороной концепции или это формообразующая характеристика? Наиболее очевиден и употребителен последний вариант, однако обратимся за разъяснениями к культурологическому исследованию академика Ю. В. Рождественского. Так, в «Принципах современной риторики» понятие стиля используется им как одна из основных категорий культуры и морали и получает достаточно широкое толкование («стиль речи — стиль жизни»). По Рождественскому, понятие стиля общепринято связывается с формой поступка и, кроме того, — это результат поновлений в культуре. Данное понятие не обязательно связывать лишь с проявлением индивидуального творчества. Ведь стиль становится стилем в том случае, если публика, народ принимает поновление, иначе оно оказывается просто забытым и незамеченным. Стиль обусловлен «материальным окружением, умонастроением публики (в том числе политическим сознанием), культурной традицией и еще какими-то другими факторами, которые должны существовать на основе интуиции» [10, с. 17–18]; «...любое новообразование в любой сфере деятельности возможно только тогда, когда оно входит в определенную традицию, которую ассоциируют со сложившейся в прошлом культурой» [10, с. 18]. Получается, что *стиль представляет собой некую особенность деятельности в той или иной сфере (речевой, политической, философской и т.д.), связанной с новаторством, получившим широкий отклик в силу*

глубокой укорененности в культурной традиции, которую интуитивно улавливает творец стиля. В приближении к предмету настоящей статьи стиль философствования в русской культуре при индивидуальных авторских вариантах должен иметь некую общекультурную основу. В частности, Н. О. Лосский выделил основополагающие черты русского национального характера, которые с очевидностью получили отражение в стиле философствования. Как раз в нем прорисовываются некие единые черты русской философии: «...способности и интересы различных народов налагают своеобразный отпечаток на вырабатываемые ими философские учения. Поэтому можно говорить о национальных особенностях германской, французской, английской, американской, русской философии. Преимущественный выбор тем исследования, большая или меньшая способность к философскому умозрению, большая или меньшая степень доверия к различным видам опыта, напр. к чувственному опыту, к религиозному опыту, обуславливает различия между философией различных народов» [8, с. 438]. Разговор на эту тему предполагает всеохватность и многогранность. В рамках данной статьи мы сосредоточимся лишь на попытке приложить культуроведческие понятия стиля и топа к рассмотрению одной из философских позиций, рефлексировавшей на тему русских культурных особенностей в целом и самобытности русской философии в частности, и сопоставить ее в некоторых частях нашего рассуждения с отдельными аспектами философской антропологии И. Канта.

Понятие стиля на наш взгляд не может быть исчерпано лишь внешним проявлением, оно имеет и содержательное, смысловое измерение. Стиль философствования подразумевает некое единство смысловых устремлений, очерчивает область «того-что-интересно», вопросов, требующих осмысления. С миром смыслов стиль связывает понятие *топа* в той трактовке, которая придана ему Ю. В. Рождественским. «Общие места риторики как показатель стиля жизни» [10, с. 176] — так он характеризует связь общих мест со стилем.

Этот риторический термин имеет в теории Рождественского фундаментальное ценностное содержание. Топы (общие места) являются в его видении базовыми понятиями морали, именно поэтому в риторическом послании общие места — это мысли, с которыми бесспорно соглашается публика и на основании которых оратор приходит к согласию с аудиторией, получает у нее отклик. Общие места представляют собой понятия и принципы, «которые признаются всеми вообще и не требуют доказательств» [10, с. 15]. Из этого с очевидностью вытекает, что такие принципы принимаются также и самим автором той или иной философской концепции как не требующие доказательств основания рассуждений. В этом смысле можно провести параллель между понятиями общего места и *пресуппозиции*. «Пресуппозиция философских систем или их фрагментов — это знания или убеждения, которые мыслители считают сами собой разумющимися или не осознают их роли в обосновании утвержденной системы»; эти базисные представления «как правило, заимствуются из культуры, к которой принадлежит данный мыслитель» [1, с. 9]. Теоретико-культурный смысл топов также подразумевает, что они глубоко традиционны для культуры. В предложенном Рождественским понимании общие места должны быть включены в ядро культуры, т.е. считаться наиболее устойчивыми элементами культуры («ставшим»), разделяемыми всеми или подавляющим большинством ее представителей.

Для того чтобы согласовать теорию стиля и общих мест с рассмотрением концепции Н.О. Лосского, необходимо обозначить направление поиска. Есть три смысловые области общих мест в культуре: гносеологическая, моральная и позитивно-познавательная. Наиболее устойчивы и неизменны гносеологические общие места. Ю.В. Рождественским предложен следующий список топов:

1) гносеологические — род и вид; целое и части; явления и признаки, свойства, собственные имена и термины; действия и объекты воздействия; время и место; предыдущее и последующее изменения и причины изменений; происхождение; обстоятельства и условия; сопоставление и противопоставление, статика и динамика;

2) моральные — не убий, не укради; не прелюбодействуй; не лги; не лжесвидетельствуй; испытывай свою совесть и совершенствуйся морально [10, с. 153–155].

Список приведен не полностью. Система позитивно-познавательных общих мест характерна для средств массовой коммуникации и потому не приложима к предмету настоящего разговора. Очевидно, что гносеологические топы могут быть соотнесены с системой философских категорий, а моральные — с системой общечеловеческих ценностей. И то, и другое носит наднациональный характер. Получается, что общие места вовсе не отражают этнической смысловой и ценностной специфики и, следовательно, ссылка на теорию общих мест бесполезна при выявлении самобытных черт философии. Но топы можно рассматривать в качестве маркеров, которые погружены в стилистически оформленную ткань текста (в широком смысле), что содержит в себе черты индивидуальности. Иными словами, нам нужно искать общее в индивидуальном, таким путем продвигался Лосский в своем исследовании русского национального характера и особенностей русской философии. Кроме этого специфицирующую роль для стилистики философствования играет последовательность и взаимосвязь топов, очерчивающих общие тенденции движения мысли (например, переход от топа «свойства» к топу «сопоставление и противопоставление, а затем к топу «действия и объекты воздействия»).

Общие места проявляются в текстах в ситуации столкновения мнений. «Эристическое и софистическое столкновение диалогов в конце концов приводит к выявлению общих мест...» [10, с. 151]. Это означает, что при разности, полемичности, дискуссионности философских концепций особенно заметны позиции, не вызывающие разногласий.

Итак, этноконсолидирующие признаки русской культуры, указанные Н.О. Лосским, могут быть проанализированы с точки зрения общих мест. Это позволит ответить на вопрос о том, как выделенные Лосским культурные доминанты преломляются в национальном варианте философствования и каков в соотношении с этими данными его собственный стиль философствования. Также интересен вопрос о нахождении соответствующих либо несоответствующих позиций в рассуждениях Канта, чему будут посвящены отдельные отступления. Автор не претендует на исчерпывающий и всесторонний анализ текстов Лосского, еще в меньшей степени — текстов Канта, касающихся общечеловеческой данности и национальной специфики. Рамки и жанр статьи позволяет «взять пробы», фрагментарно поэкспериментировать и поискать соприкосновение смыслов.

Во введении к работе «Характер русского народа» Лосский показывает ориентиры, от которых он отталкивается в своих рассуждениях о характере

ных чертах представителей русской культуры. Так, он утверждает: «Пытаясь дать характеристику русских людей, приходится говорить, конечно, о тех общих свойствах, которые чаще всего встречаются у русских и потому выразимы в общих понятиях. Эти общие свойства представляют собой нечто вторичное, производное от *индивидуальной* (курсив наш. — В.П.) сущности каждого отдельного лица... В своих заметках я буду иметь в виду душу отдельных русских людей, а не душу русской нации как целого или душу России как государства» [7, с. 238]. Такое движение мысли исследователя вполне соответствует персоналистскому характеру его философии. Кант, в силу общей направленности своей философии, исходит в своем антропологическом анализе из универсалистских установок и отталкивается от представлений о всеобщих характеристиках людей. Знание людей, «*общее знание*» всегда должно здесь (в антропологических наблюдениях. — В.П.) предшествовать *локальному*, если первое систематизировано и соответственным образом направлено философией; без этого приобретенное знание не более, чем разрозненные сведения, и не составляет науки» [4, с. 140]. Эта особенность диктуется также принципиальными различиями рассуждений об общих чертах народа (у Лосского) и общих чертах и типах человечества, исследуемых в "Антропологии..."»

Подмечая общекультурные особенности русского народа, Лосский всякий раз подкрепляет их ссылкой на других авторов, чья точка зрения совпадает с его. За таким согласием можно найти общие места, укорененные в русской культуре. Например: «Воля и мышление русского народа не дисциплинированы; характер русского человека обыкновенно не имеет строго выработанного содержания и формы» [7, с. 332]. Отсюда проистекает отсутствие чувства меры, «крайности отрицания, до которых способны доходить русские люди». Подкрепляется это наблюдение ссылками на Лейбница, Ф. М. Достоевского, С. Г. Пущкарева, о. Георгия Флоровского, И. А. Ильина. Философское рассуждение такого рода основывается на топиках «свойственное — несвойственное» («не дисциплинированы», «не имеет»), «происхождение» (объяснение отсутствия чувства меры и наличия нигилизма), «сопоставление и противопоставление». Смысловая схема, лежащая в основе такого типа рассуждений: в культуре проявляются крайности, иницирующие некоторые последствия, являющиеся характерными для нее. В философии и занятиях ею (философствовании) также читаются указанные топы, знаменующие определенную стилистическую тенденцию. Например: «В русской философии широко распространено убеждение в познаваемости внешнего мира; мало того, в ней это убеждение особенно часто выражается *в крайней форме* (курсив наш. — В.П.), именно в виде учения об интуиции как непосредственном созерцании предметов в подлиннике» [8, с. 438]. При этом позитивизм, скептицизм, агностицизм признаются чуждыми русскому духу и потому получившими слабое развитие в русской философии. Как видно, даже в собственном интуитивистическом учении Лосский выделяет крайнюю степень выраженности свойства, которая, впрочем, несколько его не смущает. Этот факт, кстати, попутно указывает также на такую важную стилистическую особенность философствования в русской культуре как *высокая степень саморефлексии*, причем зачастую в крайних ее вариациях: от самобичевания до самолюбования и уверенности в исключительности достижений. Топ «сопоставление и противопоставление», отмеченный выше, характерен и для рассуждений на темы самобытности, мессианизма русского народа и т.п. Кант тоже довольно часто при-

бегают к сопоставлениям, но он предпочитает выстраивать четкую типологию человеческих проявлений (например, типов эгоизма и т.п.). При этом у Кёнигсбернца преобладают деления по видоизменению признака. Скажем, способность размышления (*refleksio*) может быть присуща индивидам в разной степени, на основании чего выделяются светлые головы, гении и простофили (см. [4, с. 154–155]) (топ «род и вид»). К слову — среди национальных особенностей немцев Кант выделяет как раз страсть к методичности, установлению иерархий и классификаций (он относит эти свойства к социальной сфере) [4, с. 359]. У Лосского преобладают дихотомические построения, что согласуется с одним из ключевых свойств характера русского народа — противоречивостью. Он даже явно фиксирует эффективность такого топа («противопоставление») при исследовании национальной специфики: «Самая увлекательная, но и трудная, не всегда разрешимая задача состоит в том, чтобы найти такое основное свойство, из которого вытекают два противоположных свойства, так что отрицательное свойство есть как бы оборотная сторона той же медали, у которой лицевая сторона — положительная» [7, с. 238].

Обратим внимание на еще одну укорененную в русской культуре тему — искание абсолютного добра, жизненного идеала, которое побуждает задуматься о смысле жизни. В свою очередь, «интерес к вопросу о смысле жизни необходимо ведет к философствованию и попыткам выработать целостное мировоззрение. Эта черта есть в высшей степени характерное свойство русского народа» [7, с. 259]. При этом понятие идеала имеет свойство быть целостным, т.е. зиждется на таком мировоззрении, в котором обыденное, научное знание, аксиологический, религиозный опыт — все духовные силы и проявления человека синтезируются в философствовании. В русской философии Лосский видел тенденцию к такому всестороннему (чувственному, интеллектуальному и мистическому) синтезу, целостному опыту: «Главная задача философии состоит в том, чтобы дать учение о мире как целом, опираясь на все виды опыта [8, с. 440]. Философия как всесторонний синтез стала делом многих русских философов (среди них Лосский называет Вл. Соловьева, кн. С. Трубецкого, кн. Е. Трубецкого, П. Флоренского, С. Булгакова, Н. Бердяева, С. Франка, Л. Карсавина, А. Лосева, И. Ильина, себя наконец). Стиль жизни, стиль мышления, стиль философствования соединяются в этом поиске мирового смысла как целого.

Русской культуре свойственно невнимание к фактам, частностям, отдельным направлениям, специфическим чертам как на познавательном уровне, так и на уровне действия. Приблизительно это отмечает Лосский, когда говорит о «недостатке средней области культуры», т.е. прикладной, практической, материальной, касающейся удобств и повседневных нужд, полезных частностей. И хотя пренебрежение к ней является «отрицательной стороной русской жизни», поскольку «высшие духовные деятельности в высокой степени зависят от правильного удовлетворения низших потребностей», все же стремление русской культуры к целому, общему, синтезу, абсолюту возвышает и облагораживает ее, придает творческий потенциал. «Достоевский прав: четкая форма проявляется там, где началась специализация, где из многих возможностей избрана одна определенная и на ней сосредоточены все силы, так что в одной, сравнительно ограниченной области получается высокая степень развития, но при этом остальные способности отмирают, многосторонность молодости исчезает, наступает возмужалость и старость. Таковы западные европейцы...» [7, с. 333]. Здесь Лос-

ский приводит суждение о несхожести русских и европейцев (без указания наций) в явном виде, хотя общая тенденция «Характера русского народа» заключается в описании и объяснении специфических черт русских практически без компаративистского крена. Таким образом, противоречивость свойственна внутренним характеристикам русского народа.

Итак, если *стиль философствования рассматривать как особенности философствования, глубоко укорененные в культурной традиции, которую интуитивно улавливают творцы стиля*, то это стремление к синтезу, ценность целостности можно выделить как одну из характерных черт стиля философствования русских мыслителей. Она основывается на топе «часть и целое», проступающем как в оценке черт культурной самобытности и духовных устремлений русских, так и в оценке идеала целостного знания, к которому стремится русская философия.

Критическая философия Канта, несомненно, также представляет собой системную целостность, но она и последовательно систематична, схематична, имеет четкую форму и далека от представления о мире как органическом, слиянном целом (разделение на мир вещей в себе и мир вещей для нас). Препарирование познавательных способностей, их четкое определение и разграничение соответствуют холодной рассудительности, последовательности в достижении своей цели, а эти качества фиксируются самим мыслителем как национальные черты характера немцев (см. [4, с. 358]).

Возвращаясь к разговору о топе «часть и целое», обратим внимание еще и на то, какое отражение находит он в философском учении Лосского.

Рассмотрим такой отрывок из Лосского: «В самом деле, несмотря на утверждение качественного многообразия видов бытия, конкретный идеал-реализм признает единство мира, именно всеохватывающее *единство* основных условий *строения* мира и единство смысла мирового бытия.

Поскольку конкретный идеал-реализм есть *органическое* миропонимание, он утверждает относительность всякого бытия. <...> Оно лишь указывает на то, что бытие никогда не бывает абсолютно самостоятельным: всякое бытие существует не иначе как в соотношении с системой мирового целого или какой-либо части его.

...Надобно заметить также, что здесь рассмотрена только система *мирового* бытия. Системное мировое бытие не может быть абсолютно самостоятельным: оно необходимо предполагает основание *Сверхсистемное, Сверхбытийственное, Сверхмировое — Абсолютное*» [6, с. 178–179]. Этот текст взят из итоговой главы «Введения в метафизику» (1931). Отрывок содержит квинтэссенцию онтологической части идеал-реалистического учения Лосского, в нем отчетливо читается наличие топов «часть и целое», «единое и многое». При этом философское мировоззрение — это целое, существующее раньше своих частей, но не являющееся общим для частного. Органическое миропонимание, понимание того, что целое первее своих элементов, имеет преимущество перед неорганическим миропониманием, которое Лосский считает примитивным. «Если философия есть обобщение из обобщений частных наук, т.е. если она опирается целиком на посыпки, взятые из частных наук, то единство знаний возникает неорганическим путем, как сборная группа, в которой части (частные науки) существуют раньше целого, причем целое находится в рабской зависимости от частей...» [5, с. 10].

Опираясь на приведенный отрывок из идеал-реалистической онтологии, можно обогатить список общих мест категориями *относительного и абсолютного*, которые также сильны в русской культурной традиции в теме искания абсолютного добра и Абсолюта посредством религиозного опыта. «Искание абсолютного добра и вместе с ним смысла жизни выразилось в русской культуре в том, что важнейшее место в истории русской мысли занимает религиозная философия» [7, с. 260]. Это наиболее мощная смысловая тенденция в русской философии, она аккумулирует в себе ряд гносеологических топов («целое и части», «абсолютное и относительное», «действие и объекты воздействия» и т.д.), а также топ морального характера «испытание совести и моральное совершенствование».

Итак, анализ ряда фрагментов текстов Н.О. Лосского обнаруживает определенное стереотипное видение характерных черт русского философствования, которые читаются и у самого интуитивиста. Однако были и некоторые особенные ожидания, которые Лосский фактически демонстрирует как в собственных философских выкладках, так и в отношении к философствующей публике.

«Способность к умозрению (интеллектуальная интуиция. — В.П.) развита у русских философов в такой же высокой степени, как и у германских философов» [8, с. 440], — уверен Лосский (топ «сопоставление и противопоставление») и с успехом пользуется этой уверенностью в построении своего учения. Но интеллектуальная интуиция имеет рациональную природу в сравнении, скажем, с интуицией мистической. И эта установка на рациональное развитие и продвижение философского знания выразилась у философа в отношении к форме и проявлениям философских дискуссий, в его восприятии профессионализма в этой области. Можно проиллюстрировать это следующими фактами.

Выступая редактором сборника «Новые идеи в философии» (первый номер вышел в 1912 г.), Лосский констатировал общекультурную значимость философского знания в его развитии. Ведь философия предполагает вариативность решений фундаментальных вопросов, возникающих в науке. Для этого просто необходимо знакомство с современным движением философской мысли. При этом не всякий заинтересованный философскими проблемами человек имеет основания транслировать свои воззрения в научном и околонаучном сообществе. Можно предположить, что философия представлялась Лосскому в качестве профессионально ориентированной области, не отделенной, однако, от общекультурного контекста. Оперирование философскими проблемами должно быть основано на фундаменте необходимых профессиональных знаний. Оно не терпит профанаций и дилетантизма. Сам Лосский как педагог и ученый, распространяющий свет философского знания, предложил ряд работ, призванных подготовить публику к обсуждению различных междисциплинарно-философских проблем. Так, в предисловии к своему «Введению в философию» (1918) (работа состоит из двух частей: «Введение в теорию знания» и «Введение в метафизику») он замечает, что «цель моего "Введения в теорию знания" заключается в том, чтобы подготовить читателя прямо к чтению *современной* гносеологической литературы с ее спорами о психологизме, генетизме, догматизме и т.п.» [5, с. 1]. В свою очередь, для освоения этой книги «необходимо иметь элементарные сведения из логики в объеме курса среднего учебного заведения, например по учебнику "Логика" профессора Введенского или проф. Челпанова» [5, с. 1]. Нужен аппарат, способствующий

щий рациональности мышления и рассуждений, т.е. определенный уровень логической и терминологической культуры.

Еще одним подтверждением тезиса о необходимости профессиональной фундированности философского дискурса, об определенном культурном уровне философствующей личности может служить следующий факт. Лосский участвовал в деятельности Религиозно-философского общества Санкт-Петербурга (РФО), а также в работе Философского общества при Санкт-Петербургском университете (ФО). В РФО состояла совершенно разношерстная публика, тематика заседаний касалась поисков нового религиозного сознания, мистики, догматизма и тому подобного, т.е. обсуждались вопросы, далеко уводящие от задач строгого, последовательного логического обоснования. Сильны были литературные, публицистические интонации.

Лосский выступал в РФО лишь единожды — 23 марта 1910 г. В докладе «Идея бессмертия души как проблема теории знания» он придерживался научной точки зрения. Философ продемонстрировал, что можно рассуждать о столь антиномичной проблеме с гносеологической точки зрения. Представив доклад на тему, способную заинтересовать стремящуюся к популярной метафизике публику, Лосский более не выступал в РФО. Лишь одно событие заставило его поучаствовать в прениях: доклад Когена, которого удалось «заполучить» для выступления в РФО 25 апреля 1914 г. Да и то, доклад выбивался из общей направленности обсуждений. А. А. Ермичев пишет по этому поводу: «Не будем включать в нашу систематизацию доклады и выступления как бы случайного характера. К таковым я отношу, например, выступления теософов... руководителя марбургской школы неокантианства и теоретика иудейства Г. Когена...» [2, с. 7].

Причина равнодушия многих профессиональных философов к деятельности РФО обрисована А. А. Мейером: «И если на первые собрания еще считали для себя возможным являться такие представители "чистой" философии, как А. И. Введенский, С. Л. Франк и другие, то уже очень скоро обнаружилось, что общество, увлеченное темой нового религиозного сознания, уклоняется от теоретических задач и что "чистой" философии в нем нечего делать» [9, с. 508]. Мейер видит в этом игнорировании ту или иную долю философского тщеславия и фрондерства. Относительно Лосского можно предположить и другое: он несколько иначе представлял общественно-культурное значение философии. Хорошо не само то, что публика вообще обращает внимание на философию в форме псевдофилософских обсуждений. Философия предъявляет достаточно высокие требования к качеству мышления, которые должны быть осознаваемы вступающими на путь философских рассуждений людьми.

Философское общество университета в этом смысле хоть и состояло из специалистов различных областей наук, но обсуждаемые в нем проблемы, доклады и аргументация были более отчетливы и строги в философском смысле.

Все же есть некоторые разночтения в том, как Лосский характеризует способность русского народа к философствованию и какие требования он предъявляет к, так сказать, институцированному и осуществляемому философствованию. «Для успешных занятий этой наукой (философией. — В. П.) необходимо обладать способностью к весьма высокой ступени опыта, именно способностью к умозрению, т.е. к интеллектуальной интуиции, имеющей в виду идеальные основы мира, разумея под словом "идеальный"

идеи в смысле философии Платона. Русские обладают способностью к умозрению высокой степени, как это видно из истории русской философии» [7, с. 260], — пишет Лосский. Однако в философствующей среде, как видно из предыдущего изложения, указанная способность оказывается не всегда достаточно рационализированной, отточенной, последовательно выраженной и академичной. Очевидно, что в реальности Лосский обращает внимание не только на то, что идеальные основы мира привлекают общественный интерес и обсуждаются, но и на то, как именно протекают эти обсуждения. Здесь присоединяется стилистическое требование ясности и отчетливости (противостоящее образной насыщенности и метафоричности). Эти рациональные установки стиля философствования менее распространены в русской философии, чем, скажем, склонность к обоснованиям нравственного и религиозного, сверхрационального характера. Впрочем, высокий уровень логической культуры был свойственен университетским философам (в особенности тем из них, кто преподавал логику и отличался системностью философских учений). И это вовсе не исключало мистических прозрений и опоры на религиозный опыт (топ «сопоставление и противопоставление»).

Умозрение и умозаключение в философствовании, однако, нельзя считать довлеющими способами движения мысли при рассуждениях о специфических чертах человечества и отдельных культур. Они часто сопровождаются изобразительными и выразительными средствами. Так, в «Характере русского народа» Лосский довольно часто прибегает к использованию литературных образов в качестве иллюстрации тех или иных характеристик (пушкинская Татьяна, Ольга Ильинская у Гончарова, персонажи «Анны Карениной» и др.). В этой связи обнаруживается некоторое созвучие с Кантом. В качестве вспомогательных средств антропологии он выделяет источники художественной литературы. И «хотя пьесы и романы основаны, по существу, не на опыте и истине, а на вымысле, и здесь разрешено... преувеличивать черты характеров и ситуации, в которых оказываются люди, следовательно, эти вспомогательные средства как будто не дают никаких сведений о человеке, тем не менее характеры, обрисованные, например, Ричардсоном или Мольером, взяты по своим *основным чертам* из наблюдения над действительным поведением людей, и хотя они по своей степени преувеличены, по качеству они все-таки соответствуют человеческой природе» [4, с. 141]. У Канта таких образных иллюстраций характеров встречается гораздо меньше, нежели у Лосского, и, кроме того, указанные выше условия возможности их использования он вводит уже во вступлении к «Антропологии...» В этом проявляется крайняя методичность, последовательность и прозорливость немецкого мыслителя. Он как бы берет в расчет критически настроенного адресата своей работы, для которого все должно быть заранее разъяснено. Лосский в этом смысле полагается на непосредственное и своевременное моменту чтения воздействие вводимых в текст образов. Литературные персонажи приводятся им наравне с персонажами реальными, историческими. Его текст в этом аспекте, если можно так выразиться, более спонтанен, что в целом соответствует характерным чертам русского менталитета и стиля философствования. Для Канта литературный образ играет роль модели («модель», на наш взгляд, тоже можно рассматривать как общее место), для Лосского же — это средство изобразительности, обогащения текста.

И все-таки всякий философствующий ум, способный выстроить системное мировоззрение, стремится к универсализму. В этом проявляются общие черты философствования как такового, как способа самореализации редких, исключительных мыслителей, каковыми являются Кант и Лосский. Русский философ выразил удивительную по красоте, проникновенную в своей образности мысль: «Соборное единение различных народов предполагает возможность взаимопроникновения национальных культур. Как аромат ландыша, голубой цвет и гармоничные звуки могут наполнять одно и то же пространство и сочетаться воедино, не утрачивая своей определенности, так и творения различных национальных культур могут проникать друг в друга и образовывать высшее единство» [7, с. 323]. Интенция эта не абстрактно-позитивна, она была выработана Лосским на основе колоссального опыта общения с разными культурами, с разнообразными философскими традициями и движениями мысли, проявлениями жизни и истории. Это были условия развертывания его собственной драматической и долгой судьбы. Кантов универсализм и вера в наступление Вечного мира, хотя и не имели столь же разнообразного подтверждения в его жизненном опыте, перекликаются с универсализмом рефлексии над культурно-историческим опытом жизни-в-мире Н. О. Лосского.

Список литературы

1. Брюшинкин В. Н. Сравнительное исследование западноевропейской и русской философии методами теории аргументации на примере текстов И. Канта и В. Соловьева // Материалы к сравнительному изучению западноевропейской и русской философии: Кант, Ницше, Соловьев. Калининград, 2002.
2. Ермичев А. А. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (1907–1917): хроника заседаний. СПб., 2007.
3. Калинин Л. А. Кант в русской философской культуре: монография. Калининград, 2005.
4. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Собрание сочинений в 8 т. М., 1994. Т. 7.
5. Лосский Н. О. Введение в философию. 2-е изд. Пг., 1918.
6. Лосский Н. О. Типы мировоззрений. Введение в метафизику. Париж, 1931.
7. Лосский Н. О. Характер русского народа // Н. О. Лосский. Условия абсолютно добра. М., 1991.
8. Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994.
9. Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: в 3 т. СПб., 2009. Т. 3.
10. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики. 4-е изд., испр. М., 2005.

Об авторе

Попова Варвара Сергеевна – канд. филос. наук, доц. кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, varyud@mail.ru

About author

Dr Varvara Popova, Associate Professor, Department of Philosophy, Faculty of History, IKBFU, varyud@mail.ru